

Аля Мяун

ТЫСЯЧА ЛЕТ ДЛЯ ТЕБЯ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М99

М99 **Мяун А.**
Тысяча лет для тебя / Аля Мяун – М.: Литнет, 2026. – 264 с.

ISBN 978-5-521-94847-5

Шань Юя, веселого добродушного паренька, все считают деревенским дурачком, не зная, какую тайну и какую силу он скрывает. Но однажды юноше пришлось сделать выбор - продолжать свою спокойную размеренную жизнь, или открыться, чтобы спасти дорогих ему людей. Цена сделанного им выбора оказалась слишком высокой. Драконы дремлют, духи бродят, древние тайны ждут! История, наполненная шепотом старинных легенд, страстью, приключениями и мистикой!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94847-5

© Литнет, 2026
© А. Мяун, 2026

Глава 1. Алый Феникс над Тихой Заводью

Небосвод, еще недавно имевший чистейший нефритовый цвет, окрасился в тревожные, багряные тона, и, словно раненый зверь, истекал кровью на алую парчу заката. Густой едкий дым, пахнувший горелой соломой и горькими травами, стлался над верхушками деревьев, превращая изумрудный полог леса в мрачную завесу.

Сквозь заросли, ломая сухие ветви и утопая по щиколотку во влажном мху, спешила дюжина мужчин. Их простые холщовые штаны были забрызганы грязью, а натруженные спины взмокли от пота. Они двигались молча, сберегая дыхание для изнурительного бега. Лишь треск сучьев под ногами да их собственное тяжелое рваное дыхание нарушали лесную тишину.

Впереди всех, прокладывая путь своим крепким телом, и не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви, неся Ван Бин, староста деревни Южного Склона.

Лицо этого сорокалетнего мужчины уже было изрезано морщинами, словно кора старого дуба, а в черных, как смоль, волосах серебрилась первая седина. Его глаза, обычно спокойные и ясные, сейчас горели тревогой, отражая далекие отблески пламени.

Наконец, лес расступился. Мужчины выбежали на поляну и замерли, пораженные открывшимся зрелищем.

Деревня Тихой Заводи, приютившаяся в ложнине у ручья, была объята пламенем, и превратилась в гигантский костер. Огненные языки с ревом пожирали соломенные крыши, и те с треском обрушивались внутрь, взметая в небо тучи искр, похожих на рой разъяренных светляков. Глинобитные стены чернели и трескались от нестерпимого жара. Воздух дрожал и плавился, а к горькому запаху гари примешивался пряный аромат горящих трав...

Но самым страшным была тишина. Не было слышно ни криков о помощи, ни плача, ни испуганных возгласов. Лишь рев огня, подоб-

ный голодному рыку дракона. Деревня горела, но в ней, казалось, не было ни единой живой души.

Мужчины из Южного Склона стояли на краю поляны, их лица, освещенные зловещим заревом, выражали смесь страха и растерянности. Жар долетал даже до них, заставляя прикрывать лица руками.

– Небеса... – прошептал кто-то сзади.

Ван Бин сделал несколько шагов вперед, его взгляд лихорадочно метался от одного пылающего дома к другому, пытаясь разглядеть хоть какое-то движение, хоть один силуэт в огненном мареве.

– Видите людей? – хрипло спросил Ван Бин, не оборачиваясь. Голос его был едва слышен за ревом пламени.

Из-за его плеча выступил молодой, широкоплечий крестьянин по имени Линь Бао. Его лицо, обычно добродушное, сейчас было мрачным, а в глазах застыло недоумение. Он покачал головой, вытирая пот со лба тыльной стороной мозолистой ладони.

– Никого, староста Ван! Ни живых, ни мертвых. А подойти ближе – верная смерть. Жар такой, что камни лопаются. Мы ничего не сможем сделать.

Линь Бао сплюнул на землю и с бессильной яростью посмотрел на огонь.

– Но кому это понадобилось? – пророкотал он – Это же деревня травников! Они жили тихо-мирно, никому не чинили зла. У них и взять-то нечего, кроме сушеных целебных трав. Кто мог поднять руку на травников?

Ван Бин медленно повернул голову. Пляшущие отсветы огня играли в его темных глазах, делая их похожими на два тлеющих угля. Он положил тяжелую руку на плечо молодого крестьянина, словно пытаясь унять его праведный гнев.

– Не спеши с выводами, Линь Бао! – произнес староста нарочито спокойным тоном – Может, это не злой умысел. Огонь – коварный слуга. Оставленная без присмотра печь, искра, упавшая на сухую

солому... Беда могла прийти и по неосторожности. А люди успели уйти за ручей, и пережидают там.

Но глядя в самое сердце бушующего пламени, на то, как огонь одновременно и яростно пожирал всю деревню целиком, Ван Бин и сам не верил в свои слова. Слишком уж ровно и страшно горела Тихая Заводь. Слишком мертвенной была тишина вокруг. И еще. В запахах пожара явственно чувствовались тошнотворный аромат горящей плоти...

Вдруг тишину, нарушаемую лишь ревом огня, прорезал взволнованный крик одного из крестьян, стоявшего поодаль, у кромки леса.

– Староста Ван! Сюда!

Ван Бин, не раздумывая, бросился на зов, и остальные последовали за ним. Он быстро миновал несколько обугленных кустов и увидел своего односельчанина, застывшего у подножия исполинского баньяна, корни которого, толстые, как руки борца, свисали до самой земли, образуя подобие шатра. И в тени этих корней, как в нише, сжавшись в комок, сидел ребенок.

Это был мальчик лет шести, в испачканной сажей одежде. Он сидел, втянув голову в плечи, и все его маленькое тело сотрясала дрожь. Личико было бледно и тоже перепачкано, а в больших темных глазах плескался ужас. Его худые ручонки замерли на груди, что-то прикрывая от посторонних глаз.

Сердце старосты дрогнуло от жалости. Он знаком велел остальным оставаться на месте, а сам медленно, чтобы не напугать, подошел ближе и опустил на одно колено.

Его голос, обычно громкий и уверенный, стал мягким, ласковым, каким говорят с испуганными птенцами.

– Маленький друг... Ты из этой деревни? Где твои родители? Где все остальные?

Мальчик вздрогнул от звука голоса, но не ответил. Он лишь сильнее сжался, его взгляд метнулся на Ван Бина – дикий, затравленный взгляд зверька, попавшего в силки.

Теперь было видно, что он прикрывает ладонями – речную раковину, висящую на его груди на простом темном шнурке.

Староста вздохнул и попробовал снова, еще ласковее.

– Как тебя зовут?

Молчание. Лишь треск горящих балок вдалеке, да быстрое дыхание самого мальчика.

Поняв, что слов от него не добиться, Ван Мин немного помолчал, а потом осторожно протянул свою широкую, мозолистую руку.

– Послушай, мы из деревни Южного Склона. Мы пришли помочь. Пойдем со мной!

Он коснулся пальцами худенького запястья мальчика, но тот отреагировал с неожиданной силой. Словно от прикосновения раскаленного железа, он вырвал руку, отшатнулся и, оглядевшись с отчаянием, метнулся в сторону, пытаясь убежать в лес, подальше и от огня, и от людей.

Но Ван Мин был готов к этому. Он одним движением поймал беглеца в свои крепкие, но бережные объятия, прижал к широкой груди, не давая вырваться. Мальчик забился в его руках, но староста лишь крепче прижал его, закрывая от вида пожарища.

– Тише, тише, маленький... Не бойся! – успокаивающе заговорил он, покачивая ребенка, как собственного сына – Мы не причиним тебе вреда. Мы не разбойники и не солдаты. Мы простые крестьяне с Южного Склона.

Почувствовав тепло и силу, исходящие от этого человека, и услышав его ровный, спокойный голос, мальчик постепенно перестал вырываться. Его борьба сменилась глухими, судорожными всхлипами без слез. Маленькое тело в руках старосты обмякло, и только мелкая дрожь продолжала сотрясать его.

Ван Мин подождал еще мгновение, затем повторил твердо, но по-прежнему мягко:

– Пойдем! В нашей деревне безопасно. Мы под охраной Бессмертных с Пика Лазурного Дракона, из Ордена Небесного Меча. Никто не посмеет нас тронуть.

При упоминании Бессмертных мальчик на миг замер, и в его глазах, все еще полных ужаса, промелькнула крохотная искорка осознанности.

Он поднял голову и впервые по-настоящему посмотрел в лицо старосты. Ван Бина поразил его взгляд – удивительно умный, даже мудрый, как у старика, полный тоски, безысходности, и горя.

Ван Бин осторожно поднял его на руки. Мальчик был легким, как пучок сухой травы. Староста повернулся к своим людям.

– Возвращаемся! Здесь мы больше ничем не поможем. Если кто выжил, он придет к нам в деревню.

Лицо старосты оставалось суровым, как высеченным из камня, а в глазах, когда он смотрел на притихшего у него на груди ребенка, плескалась глубокая печаль.

Позади них Алый Феникс пожара продолжал свой яростный танец, окончательно поглощая деревню Тихой Заводи.

Уже не надо было торопиться – мужчины понимали, что огонь не сможет перебраться через ручей, и не дойдет до гор. Они свернули с обожженной поляны, и вышли на узкую, едва заметную тропинку, что змеилась под пологом леса, соединяя уничтоженную деревню травников с селением Южного Склона.

Шли медленно, в гнетущем молчании. Каждый думал о своем, но мысли у всех были схожи – о ярости огня и о пугающей пустоте, оставшейся на месте домов. Багровые отсветы пожара провожали их, пробиваясь сквозь густые кроны и раскрашивая спины идущих тревожными, кровавыми мазками.

Мальчик на руках у Ван Бина, казалось, задремал от изнеможения, его голова безвольно опустилась на плечо старосты.

– Я вспомнил! – вдруг воскликнул Линь Бао, и его громкий голос прозвучал в лесной тишине неуместно и резко.

Несколько человек вздрогнули. Ван Бин остановился и вопросительно посмотрел на молодого крестьянина.

Лицо Линь Бао было освещено случайным отблеском огня,

и на нем читалось возбуждение от сделанного открытия. Он указал своей широкой ладонью на спящего ребенка.

– Этот мальчонка... я видел его пару раз, когда ходил за целебной травой к травнице Лян Мэй. Это её сын!

Он на мгновение замолчал, собираясь с мыслями, а потом добавил уже тише, с ноткой сочувствия в голосе:

– А отца у него нет... Лян Мэй вдова.

Ван Мин крепче прижал к себе мальчика, словно пытаясь защитить его от этих жестоких слов. Он посмотрел на перепачканное сажей, невинное детское лицо.

– А зовут его... – Линь Бао нахмурил лоб, припоминая, и наконец его лицо прояснилось – Шань Юй! Его имя Шань Юй!

– Шань Юй. Глубокий Нефрит... – задумчиво повторил староста.

Имя было красивым, благородным, полным скрытого достоинства. Оно совсем не вязалось с испуганным, грязным ребенком, потерявшим все. Драгоценный нефрит был покрыт копотью и пеплом трагедии.

Староста кивнул, принимая эту новость и снова посмотрел на мальчика. Теперь у спасенного дитя было имя, а значит, была и история, оборванная огнем.

И Ван Бин продолжил путь, унося с собой из деревни Тихой Заводы единственную уцелевшую драгоценность – маленького, дрожащего мальчика по имени Шань Юй.

Глава 2. Нефрит под грубой холстиной

– Шань Юй! Где тебя носит?!

Резкий, пронзительный окрик разорвал паутину воспоминаний, словно брошенный камень гладь реки.

Юноша встрепенулся. Его живые карие глаза, на мгновение затуманенные призраками прошлого, вновь обрели ясность. Рука сама собой, по привычке, метнулась к шее и нащупала под воротником простой рубахи гладкую, прохладную поверхность амулета – небольшой раковины, отполированной до перламутрового блеска. Убедившись, что она на месте, юноша быстро подхватил два пустых деревянных ведра, стоявших у его ног.

– Иду, тетушка Лин! – крикнул он в ответ.

На тропинку, ведущую к реке, уже спускалась его приемная мать, Мэй Лин – плотная, крепко сбитая женщина лет пятидесяти. Ее лицо, вечно недовольное, напоминало кислое яблоко. Уперев руки в бока, она смерила Шань Юя испепеляющим взглядом.

– Я тебя за водой послала, а ты что? – затараторила она голосом, напоминающим скрип несмазанной телеги – Решил с речными духами беседу вести? Три шага до реки, ушел – и пропал! Небеса, за что мне такое наказание?

Шань Юй быстро спустился по скользким камням к самой воде.

Он был высоким, почти на голову выше большинства деревенских парней, но довольно худым. Впрочем, в его поджарой фигуре не было слабости, скорее, угадывалась скрытая грация, подобная гибкости молодого ивового прута.

– Какой же ты никчемный! – не унималась Мэй Лин – Вечно витаешь в облаках! Даже воды принести не можешь без того, чтобы не заставить себя ждать. Кто за тебя замуж выйдет, за такого ленивца? Ой, да кому ты вообще нужен...

Шань Юй привык к этим речам, которые были таким же фоном

его жизни, как пение цикад летними вечерами или вой ветра зимой. Не отвечая, юноша зачерпнул холодную, прозрачную воду. Когда он выпрямился, коромысло с полными ведрами легло на его плечи, заставив напрячься мышцы спины.

Шань Юй повернулся к приемной матери. На его лице появилась легкая, извиняющаяся улыбка, и в уголках губ проступили две очаровательные ямочки. Эта улыбка, искренняя и обезоруживающая, была его единственным оружием против гнева Мэй Лин.

– Простите, тетушка Лин! Я просто задумался о вечном! – сказал он с самым искренним видом.

Мэй Лин на мгновение сбилась. Эта улыбка всегда обезоруживала ее, и заставляла забыть, о чем она, собственно, ругалась. Но она тут же спохватилась, и нахмурилась.

– Задумался он! Думать надо, как денег заработать, а не о всякой чепухе. Шевелись, ужин сам себя не приготовит!

Она развернулась, и зашагала обратно к деревне, продолжая ворчать себе под нос. Шань Юй, вздохнув, последовал за ней.

Они уже почти дошли до первых домов, когда Мэй Лин вдруг резко остановилась, так что Шань Юй едва не налетел на нее сзади. Коромысло качнулось, и часть воды выплеснулась ему на штаны. Женщина обернулась, и ее вечно недовольное лицо теперь выражало озабоченность.

– Постой-ка... А Сяо Ли ты не видел?

Шань Юй замер. Осторожно опустив ведра на землю, юноша посмотрел на приемную мать своими честными, ясными глазами, в которых, казалось, не могло быть и тени лжи.

– Она в лес пошла, тетушка!

И даже небрежно махнул рукой в сторону рощи, туда, где тропинка терялась в густых зарослях дикого орешника.

– В лес? – искренне удивилась Мэй Лин, ее нахмуренные брови сошлись на переносице – Зачем это ей туда понадобилось?

– Не знаю! – Шань Юй пожал плечами так естественно, как только